

Азбука
PREMIUM

УИЛЬЯМ САРОЯН

В СЕРИИ «АЗБУКА PREMIUM»

Мальчики для девочек,
девочки для мальчиков

.

Папа, ты сошел с ума

УИЛЬЯМ САРОЯН

Папа, ты сошел с ума

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 20

William Saroyan
PAPA YOU'RE CRAZY
Copyright © 1957 by William Saroyan
All rights reserved

Перевод с английского Натальи Гончар

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки
Валерия Гореликова и Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-11524-8

© Н. Гончар, перевод, 1964
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Араму Сарояну

Что бы и когда бы ни написал писатель, одно вполне и всегда верно — он мог бы за это же самое время написать и что-то совсем другое. Начать новую книгу — это всегда значит решить, о чем и как ты напишешь. Такое решение — половина книги для каждого писателя, больше чем половина — для некоторых, для меня же оно — вся книга. Сесть и написать ее уже невеликий труд, и писателю ничего не стоит с ним справиться. Я решил написать эту повесть потому, что так попросил меня ты, в 1953-м, когда тебе было десять, и потому, что в 1918-м, когда я сам еще был десятилетним мальчишкой, мое писательское искусство не равнялось тому, что я хотел бы сказать. И вот теперь наконец я ее написал, я, а вернее — ты. И сделать для этого мне пришлось совсем немного — только вспомнить себя десятилетним, наблюдать — тебя, сложить наши «десять» вместе и прибавить к ним мои «сорок пять». Твой голос и твоя походка — плоть этой книги, твой взгляд — ее стиль, ясный и непосредственный, окрашенный то серьезным раздумьем,

УИЛЬЯМ САРОЯН

то ироническим восклицанием, то загадочным смехом, смотря по тому, оказывается ли предмет, тебе открывшийся, подлинным или фальшивым, или — и тем и другим, или — ни тем ни другим. Вложить все это в простое повествование — легчайшее дело на свете, когда ты уже начал его и делаешь, и вот оно — сделано. Благодарю тебя и люблю.

Уильям Сароян

Книга

— С днем рождения, — сказал мой отец.

Он вытащил из кармана пиджака книгу и вручил ее мне.

— Спасибо, папа, — сказал я. — Это как раз то, чего мне хотелось.

— «Нижняя челюсть», — сказал он. — Моя последняя и заключительная повесть. Прими же ее, а с ней заодно и мой труд.

Я оглядел «Нижнюю челюсть» снаружи. После чего я взглянул на первую страничку и потом на последнюю.

С виду книга была превосходная.

— Какой такой труд? — сказал я.

— Труд написания повести.

— Я не знаю, как они пишутся.

— Только великий писатель вправе похвалиться, что знает, — сказал мой отец. — Тебе же до этого еще далеко.

— Пусть так, но о чем бы я мог написать?

— О себе, конечно.

— О себе? А кто я?

— Напиши свою повесть и выясни. Что касается меня, то я намерен писать поваренную книгу.

В это время вернулись домой моя мать и сестренка, выходявшие за покупками, и мать моя сказала:

— Подумать только! Ему десять лет!

— Да, — сказал мой отец. — А девочке восемь, а мне сорок пять, а тебе двадцать семь. Не знаю, как это вообще у нас получилось, но полагаю, что не без некоторой помощи еды.

— Да, — сказала моя мать, — и это когда все так дорого. Сколько, по-твоему, мне пришлось заплатить за эти покупки?

— Два доллара?

— Двадцать два!

— Надо бы тебе научиться стряпать.

— Папа собирается писать поваренную книгу, — сказал я матери.

— Да, а Пит собирается писать повесть, — сказал мой отец. — Итак, сегодня первое число, а я, к сожалению, все без денег.

— Но как же мне быть? — сказала моя мать. — У меня десятилетний сын и восьмилетняя дочь, и должна же я прокормить их?

— Вот одна из причин, побуждающих меня писать поваренную книгу, — сказал мой отец. — Возможно, она научит тебя, как экономить на еде.

— Чем нам, по-твоему, питаться? Рисом?

— Я, видишь ли, толком еще всего не обдумал. Так что ты уж протяни пока с тем, чего накупила.

— Через три дня от всего от этого и крошки не останется.

— Продержись как-нибудь. Денежных поступлений у меня никаких не предвидится, а просить аванса не могу, пока не начну свою поваренную книгу. Продержись как-нибудь хотя бы месяц.

— Невозможно, — сказала моя мать. — Он столько ест. На него-то и уходит вся еда.

— А если я заберу его к себе?

— Но тебе придется его кормить.

— Разумеется.

— И он должен будет ходить в школу.

— Разумеется.

— Ладно, — сказала мама. — Забирай его.

Море

Мы попрощались с моей матерью и сестрой и пустились в путь вниз по пригорку, к шоссе, рассчитывая поймать там попутную машину и доехать до Малибу — всего в одиннадцать милях, — где на самом взморье находится дом моего отца.

Отец не разрешил, чтобы мама подвезла нас до дому. Он хотел, чтобы я приучался к трудностям.

— В жизни человека тяжелые времена выдаются чаще, чем легкие, — сказал он, — так что чем раньше ты начнешь к ним приучаться, тем лучше для тебя.

— Ну что ж, согласен.

Мы прошагали почти километр по улице Заходящего Солнца, вышли на другую, пересекающую, проехали на грузовике километров восемь-девять, отмахали еще один или два пешком и наконец добрались до места.

Был час прилива, когда мы подошли к дому моего отца. Всю дорогу солнце шло рядом с нами, опускаясь все ниже и ниже в море. Не передохнув, мы сразу же спустились на берег — побродить, посмотреть, не найдем ли там чего-нибудь подходящего, чтоб развести огонь или же просто подержать в руках и полюбоваться, — водоросль, гальку, ракушку. Мы набрали на ящик от кока-колы, и отец мой подобрал его и сказал, что он может нам пригодиться, а я все не мог представить — на что? Разве только держать в нем бутылки? Мне попалась закрученная спиралью ракушка, и отец сказал про нее, что это настоящий трофей и такая штука, которую стоило бы рассматривать и изучать всю жизнь.

— В этой спиралевидной раковине есть нечто от форм и движения небесных тел, — сказал он, и я снова оглядел ракушку, снаружи и внутри. Смот-

реть на нее было и в самом деле приятно; она была большая, почти с половину моей ладони, серовато-белая с черными прожилками и кое-где насквозь пробитая морем, так что мне было видно, как вьется внутри спираль.

Мы прошлись немного по берегу, туда и обратно, и впридачу к своим находкам подобрали еще с полдюжины голышей, круглых и маленьких, как грецкие орехи, да обрывок сухой водоросли.

Когда мы вернулись домой и поднялись по лесенке на крыльцо, отец мой присел возле кучи водорослей, которые он уже раньше натаскал сюда с берега, порылся в ней и отобрал целую охапку, чтобы развести в камине огонь.

— Если хочешь знать правду, — сказал он, — большая часть этих водорослей слишком хороша, чтобы быть сожженной.

Я распахнул входную дверь, чтобы он мог свободно пройти в дом, неся в обеих руках топливо. К тому времени, когда он заложил в камин кучу порванных газет и на них водоросли, уже смерклось, но я еще не зажигал света, так как знал — мой отец любит, чтобы первый вечерний свет шел от огня. Он сунул в рот сигарету, закурил, бросил горящую спичку в камин. И за то мгновение, что понадобилось моему отцу, чтобы раз только затянуться и выдохнуть дым, огонь заполнил комнату своим светом — светом, который непохож на

электрический, светом, который лучше, добрее, теплее. И на стенах комнаты сразу замелькали тени, запрыгали вверх и вниз.

Луна

— Мне приятно, что ты в моем доме, — сказал отец.

— А мне приятно, что я здесь, — сказал я.

— Теперь давай придумаем, чего бы нам поесть. В нашем распоряжении несколько помидоров, которые я собрал с моих же собственных грядок в маленьком огороде на холме, чуть пониже дома. И еще у нас есть немного риса и оливковое масло. Вот из этого из всего я и сварю сейчас в кастрюле нечто такое, что можно было бы назвать «рис по-писательски», поскольку оба мы отныне писатели.

Отец мой взялся за приготовление «риса по-писательски», а я тем временем принялся размышлять о книге, которую, по его словам, мне предстояло писать и писать... конечно, это шутка, но кто знает? Может быть, я и вправду напишу повесть, хотя в общем-то никогда всерьез и не думал, что стану писателем.

Вот уж кем я действительно хочу стать, так это летчиком! Я хочу полететь на Луну — в самой первой ракете. Как-то раз я признался в этом отцу, и он сказал: «Я думаю, тебе удастся».

В один прекрасный день я, наверно, пойму, что мне совсем и не удастся, но пока я ничего такого не понимаю.

Я хочу быть первым человеком на Луне.

Но если придется, я могу стать и писателем. Если кто-нибудь опередит меня по части Луны, ну что ж, тогда я стану писателем и заведу себе дом, такой же как у отца.

Не знаю, сделаю ли я это так, как мой отец, то есть сначала женюсь, обзаведусь сыном, а потом дочкой и наконец уйду — из-за телефона.

— Ты замужем не за мной, а за телефоном, — сказал однажды отец матери.

А мать моя в ответ сказала, что она имеет ровно столько же прав на друзей, сколько он — на писательство. Она сказала, что она молодая женщина, а не кухарка и что ей хочется друзей и развлечений.

Я стал рассматривать книги моего отца, дивясь, как он мог написать их такое количество, и за этим занятием, потихоньку, сам того не заметив, я достиг наконец Луны.

— Что подумают люди, когда я первым сделаю это?

— Когда ты первым сделаешь что?

— Когда я первым окажусь на Луне?

— Они поверят. В ту самую минуту, когда ты окажешься первым человеком на Луне и весть о твоём полете захлестнет все газеты мира, люди все до единого в это поверят.

— А почему бы им не верить?

— Потому что, покуда ты не попал на Луну, никто не верит, что ты можешь туда попасть. Но стоит только тебе попасть, и они сразу в это поверят. Так уж устроены люди.

— А ты разве не так устроен?

— Нет.

— Как же ты устроен, па?

— Я, видишь ли, не говорю, как все: тебе не попасть на Луну. Я говорю иначе: зачем ты хочешь на Луну?

— Чтобы быть первым на ней, зачем же еще! Взбираются же разные так парни на вершины гор. Почему они это делают? Потому что есть на свете горы. Так они отвечали людям, которые их спрашивали. Я хочу первым полететь на Луну, потому что она тоже есть на свете и потому что никто еще не побывал на ней.

— Прекрасно, — сказал мой отец.

— В жизни мне не попасть на Луну, правда, па?

— Отчего же?

— Ха!

— Что бы значило твое «ха»?

— Знаешь, па, просто мне хочется сделать что-нибудь, вот и все. А то ведь скука.

— Скука ли?

— Конечно скука.

— И что же ты хочешь сделать?

— Вот тут-то и загвоздка. Я не знаю. Потому и думаю о Луне. Честное слово, мне хочется сделать что-то.

— Еще бы.

— Только вот делать — нечего. Нет настоящего дела.

— В таком случае — за стол, поесть — тоже дело.

Отец мой поставил на стол две тарелки с «рисом по-писательски». Мы сели и принялись за еду.

Котелок

«Рис по-писательски» — это нечто такое, что в доме моего отца можно обнаружить в любом углу — в кладовке, в холодильнике, на буфетной полке, на кухонном столе, в чашке, в банке, в пакете и в чем придется — нечто, приготовленное из риса и единственное в своем роде.

— Из риса можно состряпать что угодно, — не раз пытался доказать мой отец моей матери, но тщетно — она никак не брала это в толк и сыпала вопросами: «А можно положить в рис сыру?» Или: «А можно залить рис томатным соусом?» Или: «А можно в него добавить зеленого лука?»

— Ну как, нравится? — поинтересовался отец.

— В жизни не ел ничего хуже.

— Кастрюля еще почти полная.

УИЛЬЯМ САРОЯН

- Где мой стакан молока?
- Вот прекрасная вода. Тебе уже десять лет.
- Что на сладкое?
- Ничего сладкого.
- Видать, с едой тут у тебя небогато.
- Еды в этом доме хватит на целый месяц.

А если понадобится, и на три.

- Для нас обоих?
- Конечно. Что такое еда? Еда — это то, чем набивают желудок, и только. Завтра я приготовлю для нас полный котелок красной фасоли.

— А как насчет жареного мяса?

— Никакого жареного мяса.

— А как насчет пирога?

— Никаких пирогов.

— А как насчет денег?

— Брось. Я не намерен превращаться в правильного папашу ради какого-то десятилетнего комика.

— И все-таки, как насчет денег?

— Никаких денег.

Мой отец принес и поставил на стол горячую еще кастрюлю, снова наполнил свою тарелку, потом мою, и наконец в кастрюле ничего не осталось.

Это было далеко не лучшее из всего, что я ел когда-либо, но все равно я съел все, что мне полагалось, не забыв на тарелке ни единой крупинки. Я набил себе желудок. Голодным я сел за стол, был голоден, пока ел, и голодным же встал из-за стола.

— Ешь то же, что я, — сказал мой отец, — и ты вырастешь сильным и стойким.

— Может, фасоль повкуснее этого риса?

— Когда нам завтра придет время ее поесть, она окажется вкуснее всего на свете.

— Каким это образом?

— Ты и я, — сказал мой отец, — мы оба писатели. И каждая вещь на свете для нас больше и лучше, чем для кого бы то ни было. Ты все время пишешь свою повесть.

— Я не знаю, с чего начать.

— Этого не знал ни один писатель. И ни один не знал также, *когда* именно он начал. Что ж до твоей повести, то она начата уже давно.

— Без шуток?

— Без.

Я вскочил с места и пустился в пляс, и мой отец разразился смехом, тем самым смехом, который так мне нравится, чудесным смехом сумасшедшего голодного писателя.

Велосипед

Отец перемыл тарелки, и мы вышли из дому и поднялись по лесенке к гаражу и выкатили оттуда наши велосипеды. У отца велосипед марки «Ралей», с прошлого года, а у меня — невысокий двухколесный велосипед, его купили в Сан-Франциско,

когда мне не было еще и четырех. Это один из самых маленьких двухколесных, и вилка у него дугой. Мать надумала отдать его Армии спасения, но отец сказал: «Я хочу забрать этот велосипед». И он забрал его и поставил у себя в гараже. И сейчас он направился к моему красному маленькому велосипеду и сказал: «Если хочешь, можешь покататься на большом, пока я приведу в порядок малютку».

«Ралей» — это, конечно, настоящий большой велосипед, но я все равно с ним справляюсь, и не хуже, чем с маленьким. Однажды я уже ездил на нем, когда отец впервые пригнал его домой, так что сейчас я преспокойно взобрался на него и покатил по Малибу-роуд. Через какую-нибудь минуту «Ралей» уже шел у меня как по маслу, и мне захотелось подольше пробыть в доме моего отца. Однако я подумал, что было бы глупо приставать к нему с этим; я знал, что это такой вопрос, который решает мама. Она может вдруг, ни с того ни с сего, позвонить по телефону и сказать: «Привези его домой». И тогда отец доставит меня обратно, в дом моей матери, где у меня есть своя просторная спальня, свой холл и своя ванная комната. Я очень люблю свою половину дома. Я люблю и весь дом, и палисадник, и двор, и наш пригорок, поросший кустами, среди которых так хорошо играть, но что там ни говори, все это далеко не то, что дом моего отца.

Я подумал, а что, если я все-таки поговорю об этом с отцом, и, сделав поворот, покатил назад к га-

ражу. Отец мой драил спицы на красном велосипеде, перевернув его вверх колесами.

— Па?

— Угу.

— Как по-твоему, согласится мама, чтобы я побыл здесь подольше?

— Не знаю.

— А если она согласится, па, ты разрешишь мне?

— Почему бы и нет?

— Видишь ли, па... Тебе сорок пять, а мне десять.

— Совершенно верно.

— Предположим, тебе понадобилось куда-то съездить, и я должен остаться дома один. Если я научусь и в таких случаях сумею сам о себе позаботиться, ты разрешишь мне пожить здесь сколько-то времени?

— Тебе, может, завтра же захочется домой.

— Нет. Мне не захочется.

— Ну что ж, договоримся с тобой так: ты можешь оставаться здесь, пока тебе хочется или же пока тебе позволяет мама.

— А ты?

— Я вынужден здесь оставаться.

— Нет, я хочу сказать, ты-то как на это смотришь? Ты мне на сколько разрешишь тут остаться?

— Что до меня, то оставайся до тех пор, пока тебе надо будет уехать.

И мой отец вскочил на большой велосипед и по-неся вниз по Малибу-роуд с самой что ни на есть предельной скоростью. Никогда я не видел, чтобы кто-нибудь мчал на велосипеде так быстро. Я тоже сел на свой маленький красный, который теперь стал слишком мал для меня, и попробовал выжать из него все, что возможно, но я знал, что отца мне все равно не догнать. Он мчал все дальше по шоссе, потом вдруг повернул и уже медленнее поехал обратно.

— Я хочу, чтобы ты запомнил вот что, — сказал он мне. — Ничего в твоей жизни не должно быть только так и никак иначе. Ты можешь оставаться у меня, пока не захочешь домой. Ты можешь вернуться ко мне, когда тебе снова захочется. И это, и все остальное в твоей жизни не должно быть только так и никак иначе.

— Понятно, па.

Меч

Отец мой знает, что временами я злюсь на него, а порой даже ненавижу. Он сам сказал мне однажды, что знает, а я-то все время думал, что это мой секрет. Он говорил со мною об этом, как о чем-то вовсе нас не касающемся. Он сказал, что вполне естественно, чтобы сын время от времени испыты-

вал ненависть к своему отцу, а равно и к матери, иногда же — ко всем на свете.

— Человек способен любить, — сказал он, — но способен также и ненавидеть. В основном он, конечно, любит, но и без ненависти ему не обойтись. Ненависть — полезнейшее чувство, если его правильно понять.

Когда мой отец сказал, что завтра же утром мне, может быть, захочется домой, к матери, я разозлился на него и закипел ненавистью. От отца моя ненависть не укрылась, и мне сразу сделалось стыдно.

Мы спустились по лесенке из гаража, вошли в дом, и отец включил проигрыватель и поставил свою любимую пластинку — концерт Моцарта. Он подошел к окну и стал смотреть на море. А мне пришлось в голову покопаться в его рабочем ящике и проверить, все ли инструменты на месте. Было очень тихо. И очень тихо играл рояль, очень тихо, но не так, чтоб его не расслышать и не угадать, что он скажет дальше.

Я сказал отцу:

— Ты хочешь, чтоб я завтра уехал?

Он не обернулся. И не ответил сразу, но я знал, что рано или поздно он ответит.

— Слушай, — сказал он наконец.

Он заговорил очень тихо, но я все равно слышал, и его слышал, и рояль, и впечатление было такое,

будто музыка и слова его текут в согласии друг с другом.

— Слушай, — сказал он. — Ты и я, сын и отец, всякий сын и всякий отец — это в сущности один и тот же человек, только первый моложе, второй старше. Но в то же время мы и не знаем друг друга. Как не знаем чужого. Как не знаем случайного встречного. Я, конечно, хочу, чтобы ты остался, но мне ненавистно думать, что ты, может быть, сочтешь себя обязанным остаться, дабы доставить мне удовольствие.

— Я не останусь, если не захочу.

— Спасибо.

Солнце

Многое в эту ночь приключилось со мной во сне, но бóльшую часть я забыл. Не забыл я только одно — что летал. *Сам*, то есть без самолета, без ракеты и не как птица, просто сам — летал и был очень горд, оттого что это у меня так легко получается.

Моя мать была страшно удивлена.

— Смотри не упади, — сказала она.

Моя сестра была удивлена пуще матери. Она все бежала за мной и нудила:

— Я тоже хочу летать. Научи меня.

Оглавление

Книга	9
Море	11
Луна	14
Котелок	17
Велосипед	19
Меч	22
Солнце	24
Мир	26
Яйцо	28
Ключ	32
Скала	35
Облако	36
Раковина	38
Бог	41
Лоза	43
Сорняк	45
Автомобиль	46
Дорога	48
Ковчег	50
Школа	53

ОГЛАВЛЕНИЕ

Флаг	55
Звезда	57
Рыба	61
Огонь	64
Человек	66
Роза	70
Церковь	71
Хлеб	73
Жена	75
Постель	77
Пляж	79
Дверь	83
Лист	85
Корабль	87
Плот	90
Лук	92
Голова	94
Дом	96
Птица	99
Мяч	102
Трава	104
Ловушка	106
Лед	109
Глаз	112
Венец	114
Комната	117
Дерево	119
Чаша	121
Снег	124

ОГЛАВЛЕНИЕ

Корень	127
Ветвь	132
Плод	135
Монета	136
Плоть	139
Кость	142
Сердце	145
Круг	148
Дождь	151

Сароян У.

С 20 Папа, ты сошел с ума : повесть / Уильям Сароян ; пер. с англ. Н. Гончар. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 160 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-11524-8

Предлагаем читателям впервые на русском отдельное издание повести Уильяма Сарояна «Папа, ты сошел с ума». Эта простая и трогательная книга состоит из небольших историй с двумя персонажами: отцом и сыном. Они собирают ракушки, готовят «рис по-писательски», путешествуют, разглядывают облака и звезды, обсуждают разные пустяки и важнейшие темы на свете. Перед ними открывается бесконечный мир, полный красоты и тайны.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ САРОЯН
ПАПА, ТЫ СОШЕЛ С УМА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Станислава Кучепатова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.06.2017. Формат издания 70 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 6,45.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YLAP1955401R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60
e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/